

Внутренняя сторона Ежика

Советское искусство считало нужным говорить и говорило с детьми — зачастую неправильно, дидактично, тиранично, пространно, но оно искало и иногда находило для них очень правильные слова и формы. С разрушением же советской культурно-идеологической матрицы дети в России оказались предоставлены сами себе — вернее, каналам Cartoon Network, Jetix и Nickelodeon. Здесь, на Среднерусской возвышенности, их теперь «никто не пасет»... Или почти никто: функцию пастуха возложили на себя в 2003 году авторы проекта «Смешарики».

- Мы — бедные овечки, никто нас не пасет, мы таем, словно свечки, ля-ля-ля-ля-ля, — поет моя пятилетняя дочка Саша, выразительно поглядывая на монитор моего компьютера: мол, не пора ли уже закрыть все эти дурацкие ворды и гуглы и включить мультяш. Хотя бы «Пса в сапогах», ну, пожалуйста, мама...

«Пес в сапогах» лежит на рабочем столе в папке «Советское» — вместе с «Простоквашино», «Винни-Пухом», «Карлсоном» и «Ежиком в тумане». Мы не то чтобы какие-то особые ретрограды и патриоты, наш ребенок приобщен ко всем сокровищам мировой анимации: она знает, что Миядзаки зовут Хаяо, и легко отличит просто диснеевский мультяш от диснеевского совместно с Pixar. Мы вообще не так уж часто залезаем в папку «Советское». Но уж если есть волна посмотреть что-то свое, непередаваемое, то всегда обращаемся именно к ней. К чему еще обращаться?

— Ну, хотя бы вот это! — Сашин взгляд с профессиональной быстротой выискивает самое яркое, что есть у меня на столе, — диск со «Смешариками», которых я решила пересмотреть, прежде чем браться за статью. — Поставь мне «Смешариков», они ведь совсем короткие, а потом будешь работать свою работу!

«Смешарики» меня чем-то смущают. «Смешариков» не назовешь и Сашиним любимым мультфильмом: если ей их включить, она откроет рот и будет смотреть, но конкуренции с западным полным метром они не выдерживают. Когда я спросила ее, что она может сказать о смешариках, она ответила, что они «разноцветные, круглые, нормальные» и что «мультфильмы хорошие, но короткие, но много». Потом добавила: «Там сова, свинка, барашек, ежик... В принципе их можно узнать».

По большому счету Саша оценивает место «Смешариков» в современном культурном пространстве вполне адекватно: качественный сериал, простой для восприятия, яркий. Нормальный продукт для детей... Одно «но»: она пока еще не понимает, что это не просто нормальный, а единственный нормальный детский продукт в нашей стране. И, следовательно, уникальный. И она уж точно не догадывается, что его авторы поставили себе целью сформировать новый подход к российским детям и к детству.

Тело Ежика

— Вообще-то, при всей простоте они чертовски неудобные! У них нет позвоночника, шеи, головы, отдельной от туловища. Они просто шарики с ручками и ножками: попробуй добейся от них выразительной пластики, чтобы ребенок поверил... — Денис с говорящей фамилией Чернов, дочерна загорелый человек в бейсболке, главный режиссер «Смешариков», обводит рукой студийное пространство.

Любой ребенок сошел бы в этом пространстве с ума: огромная зала, где десятки (сотни?) людей сидят перед мониторами, на каждом из которых шевелятся или неподвижно висят смешарики или какие-то из частей их тела. Все это нарядное мельтешение, и вся эта лучающаяся желтым и сиреневым студия в заводском здании, и арабийский загар — все кажется миражом, болезненной гриппозной фантазией. Цветные пятна никак не хотят сочетаться с заводским комплексом на улице Чапаева, близ Петроградской набережной, вмерзшим вместе с улицей и набережной в непролазный петербургский сугроб.

— Как сделать персонаж, который стоит, например, скрестив руки? Руки-то у него, во-первых, короткие, не дотягиваются, а во-вторых, там, где они должны сцепиться, у него рот находится, а у некоторых — пятачок. Постоянный обман — приходится просто намекать, что этот персонаж так стоит: например, взять его и на три четверти повернуть — кто его знает, как там руки сложены, но ощущение, что да, скрестил...

Мы идем вдоль компьютерных рядов; на одном из мониторов замечаю вдруг что-то жуткое: груда черно-белых скелетов, запутанных в паутине. Миловидная русоволосая девушка орудует мышкой, шевеля и переплетая черные нити.

— Это... что?!

— А, это для нашего полного метра. То, что называется CGI, computer generated image, — чтобы персонажи были объемными. Ну, вы разве не видите, что это?

Вглядываюсь в черные нити, и морок, наконец, отступает. Из клубка паутины вычлняются контуры мяча и еще футбольных ворот, что ли...

— А-а, это спортивный зал, да?

Русоволосая хихикает, Чернов остается невозмутим:

— Нет, это ежик в своей комнате.

Русоволосая что-то делает, и ежик является на мониторе — серый и обескровленный, но «во плоти»: он сидит за столом в своей комнате. Снизу виднеется надпись: ejik-body — «тело ежика». Чернов показывает, как работают функции «размер зрачка» и «сжатие глаз».

— А колючки можно загнуть? А в комнате что-то переставить?

— Нет, колючки заданы изначально... И интерьер тоже.

— Денис, а не скучно всегда в одних интерьерах? Комната, кухня... Не хочется иногда волшебства?

— Нет, мы сразу договорились, что это не сказка. То есть могут быть ситуации, близкие к волшебным, но они все равно должны мотивироваться правдой жизни. И среда у нас, да, чаще носит оформительский характер. Это некое место с бытовым оттенком, где персонажи решают свои маленькие или большие проблемы. На самом деле это довольно правдоподобная ситуация: люди ведь, как правило, решают свои бытовые и семейные проблемы на кухне...

Девушка опять что-то делает, и ежик-боди снова превращается в мохнатый футбольный мяч.

Все эти круглые боди придумал Салават Шайхинов, ведущий художник проекта. С ним я беседую в просторном стеклянном аквариуме. Из соседнего аквариума на нас таращатся кислотных цветов плюшевые Бараша, Нюши и Лосяши.

— Если говорить про эстетику, передо мной стоял выбор: либо уходить в схематично-дизайнерскую сторону типа «Южного парка», либо в сторону советской анимации. Я нашел некий стык. То есть в итоге мы остановились на достаточно прорисованном варианте, но принцип знаковости остался, сами персонажи простые. Форма шара — это стремление к простоте. К абсолютной простоте. Таких персонажей может рисовать любой ребенок с двух лет: главное — замкнуть линию... Ну, и цвета — в отличие от советской традиции, когда персонажи были яркими, а фоны приглушенными, мы сделали максимально яркими и фоны, и персонажей.

— Вы воспитаны на советской анимации? Трудно было от нее отойти?

— Я получал художественное образование не только в России, но и в Бельгии, и в Варшаве. Однако воспитан я, да, на советских мультфильмах. Я на них вырос. Но мы живем в наше время и в нашей стране, и мы не можем звучать по-старому. Этот сериал — отражение нашего времени.

— И в чем это заключается?

— В том, что мы находимся в поиске. Сейчас в России такое межвременье... И это интересно.

— А есть связь между нашим «межвременьем» и отсутствием четко прописанного, детализированного мира, в котором живут персонажи?

— Да, возможно. Их мир условный, он так был задуман. Ну не могут дети жить одни, без родителей! Хотя вот в том же «Винни-Пухе» такая условность принимается: сколько лет Пятачку? Вряд ли больше десяти. А живет один. У наших героев нет четко прописанной социализации. Их мир искусственный.

— А смогут ли дети использовать опыт персонажей из этого искусственного мира в своем реальном, скажем, в районном детском саду?

— Да. Мир «Смешариков» искусственный, но без заигрываний и сюсюканий. Если в этом мире ударишь себя молотком по пальцу, тебе будет очень больно. Мы ни в коем случае не отрываем детей от реальности. Научить ребенка видеть другого человека, пытаться с ним договариваться и при этом оставаться самим собой — вот наша задача.

Непротивление злу

Большую часть серий «Смешариков» (230 штук!) придумал сценарист Алексей Лебедев. У Лебедева джип, и петербургской зимой образца 2010 года это, похоже, единственное транспортное средство, при помощи которого можно выбраться с улицы Чапаева. Мы ползем через снежные сопки, двигатель тихо рычит, а я пытаю сценариста вопросами:

— Как говорить с современным ребенком? Что это за интонация?

— Им можно говорить даже самые сложные вещи, просто говорить нужно весело и предельно просто. Мне не очень нравится понятие «целевая аудитория»: малышу, мол, нужно то-то и то-то, подросткам — то-то, дамам за тридцать — то-то. По-моему, природа конфликтов от возраста практически не зависит, за исключением тех конфликтов, которые связаны с гормонами. А так все одинаково: предательство, жадность, подозрительность, ревность — что у трехлетних, что у тридцатилетних...

— Кстати о конфликтах: концепция «Смешариков» исключает антигероя.

— Я вообще не верю в злодеев. Их ведь обычно показывают в их финальной стадии. Финальная точка гнева — злодей. Когда произведение населяется немотивированным злом, антигероями, которые по непонятной причине хотят разрушить мир, это неправдоподобно. Вот если показать более раннюю стадию, злодея можно будет понять. Я считаю, что должен быть ясен генезис зла. Например, обида — она, смотрите, приводит вот к чему... У нас каждый из персонажей может стать ненадолго антигероем, слететь с катушек.

— А не сложно чисто драматургически без такой постоянной подпорки, как злодей?

— В роли злодея у меня может выступать судьба, погода... Я не нуждаюсь в одушевлении зла. Злодей как готовая данность только помешает раскрыть механизм конфликта. Потому что он уже здесь, его уже нужно срочно побеждать, срочно нужен супергерой, который в суперборьбе победит суперзло. А детям это зачем? Возможно, эта комиксовая культура и определяет их агрессивную ментальность. Когда ты ассоциируешь себя с суперменом, ты соответственно ждешь появления антисупермена, и у тебя должен быть готов для него ствол.

На узкой улице возникает затор: замурованные по обочинам в снежных саркофагах машины сделали дорогу однополосной, и встречный автомобиль начисто перекрывает движение. Мы стоим со встречным автомобилем лоб в лоб. Он более дорогой и, кажется, ждет, что мы и все, кто за нами, дадим задний ход. Лебедев безмятежно ставит ногу на тормоз.

— Терапия немыслима, злодея можно остановить только хирургическим способом, только дробовиком. Со злом бесполезно разговаривать, а вот с человеком, который впал в неадекват, можно и поговорить. Его можно успокоить, на худой конец дать ему что-то... Что нужнее ребенку? Ну, допустим, его кто-то обижает в школе. И вот он посмотрит про супергероя, произойдет у него выброс адреналина — и что? Он пойдет побеждать своего обидчика? Нет. Он даже не пойдет в секцию бокса записываться. А мы хотим показать, что можно вступить в диалог всегда, даже на пределе отчаяния. Вот у нас есть такая серия — «Гонки». В принципе это экшн...

Более дорогой, истерично взревев мотором, дает задний ход. Мы и все, кто за нами, торжественно продолжаем движение со скоростью пять километров в час.

— ...Но в «Гонках» есть простой месседж: «Можно не участвовать в борьбе и победить». Это практически наше знамя. Основная идея «Смешариков».

Компетентное детство

— При помощи «Смешариков» мы пытаемся формировать хоть какое-то современное детское сознание. Кроме того, это — попытка сформировать взгляд общества на детство. Ведь оно, общество, не глядит сегодня на детство вообще.

Анатолий Прохоров, член Национальной академии кинематографических искусств и наук России, член Евразийской академии телевидения и радио, человек с множеством образований, одно из которых психологическое, — художественный руководитель и по большому счету главный идеолог «Смешариков». Дом у него в Москве, работа в Питере, а живет он, по собственному его выражению, в поезде «Красная стрела».

— К детям у нас выработано очень небрежное, надменное отношение. Вот стоят, например, две женщины, болтают, к ним подходит ребенок одной из них. И тут же все меняется: «Ну, ка-а-ак, в каком ты классе?» Дурацкий вопрос, дурацкая интонация, ребенка не видят, просто исполняется ритуал. А ведь в пять лет человек уже полностью сформировался, он понимает практически все. И истории для ребенка нужно делать как для взрослого. У нас в одной из первых серий, «Фанерное солнце», Бараш очень грустил, что кончилось лето. И друзья повесили для него в лесу фанерное солнце, и Барашу от этого стало почему-то теплее, а Совунья заварила чай с травами, они пили чай и говорили, что теперь этого тепла им хватит до следующего лета. После этой серии мы поняли, что можем двигаться в сторону глубоких месседжей. Взрослых. И сюсюканье в сериале недопустимо. Должен быть всегда взрослый язык — в смысле нормальный, никто ведь не говорит терминами квантовой механики.

Московская квартира идеолога «Смешариков» в сталинском доме у метро «Академическая» — полная противоположность разноцветной питерской студии. Ничего яркого. Ничего детского. Высокие потолки. Массивная дубовая мебель. Приглушенный свет. На стене портрет в золоченой раме, на портрете не то сам Прохоров, не то его внешне неотличимый предок в старинной одежде — лицо выглядывает из стоячего гофрированного воротника а-ля фреза.

— Взрослые иногда говорят: «Что это у вас сериал какой-то недетский?» Потому что взрослые — они как бы знают, что детям надо. Они помнят, что традиционно надо было детям в прошлом веке. В свое время революционной стала поэзия Чуковского, потому что он дал ребенку то, в чем ребенок нуждался — фантазмагорическую ситуацию: «А лисички взяли спички, к морю синему пошли, море синее зажгли». Крупская тогда напустилась на Чуковского: зачем он оболванивает наших детей?! А Чуковский печенкой чувствовал эту сумасшедшинку жизни, которая для детей — органика. С тех пор прошло уже семьдесят лет, а мы все еще стоим на том, что делал Чуковский. Система педагогики в любом обществе всегда консервативна, это, как говорится, «муравьиные яйца» — то, что первым спасается и последним реформируется. Но в данном случае после слома всей советской системы педагогическую сферу нельзя реформировать. Можно просто сформировать новую. Сегодня ребенку нужно, чтобы с ним говорили серьезно.

— А что изменилось?

— Темп жизни за последние тридцать лет очень ускорился и сейчас растет по экспоненте. И дети мгновенно на это реагируют. Мы вошли в ситуацию, которую в 50-х годах описала Маргарет Мид, выдающийся антрополог, занимавшаяся, в частности, культурой детства. Она выделяла три типа культур: постфигуративный — когда взрослые учат детей, и дети воспроизводят неизменный мир взрослых, фигуративный — когда дети что-то слегка меняют в жесткой взрослой системе, и третий, префигуративный тип — это когда дети начинают диктовать правила и учить взрослых. С конца прошлого века у нас префигуративное общество. Если отец купил себе новую модель телефона, семилетний ребенок может ему быстро объяснить, как он работает. В этом смысле взаимоотношения взрослых и детей сейчас невероятно тревожны, возникла практически революционная ситуация.

Слушая Прохорова, я вдруг вспоминаю рассказ одного приятеля, купившего себе айфон. Его четырехлетний ребенок освоил прибабас быстрее него, но дело не в этом. Однажды приятель застал сына за странным занятием: тот стоял у окна, вглядывался во что-то и раздраженно водил пальчиком по стеклу — знакомым таким движением. Попытался увеличить картинку. «Самое жуткое, — сказал мне тогда приятель, — до меня вдруг дошло: пройдет еще несколько лет, и у него это получится. Мир будет другим».

— Эту тревогу начинают чувствовать политики многих стран.

Например, у Обамы есть такой «0–5 план» — план раннего обучения детей до пяти лет. Не развития, а обучения. А у нас сразу возникает мысль: это как, не за парту же грудничка посадить? Потому что у нас все обучение мыслится как школа, парты, классы... Семнадцатый век! Зато география и история. Причем по истории один-единственный учебник, хотя ведь всем известно, что любое изложение истории — это сборник мистификаций и отдельных мнений. Школьный подход — изучение традиционных «предметов» — рухнул пол столетия назад. Интернет и современные образовательно-тренинговые системы позволяют теперь за несколько месяцев получить эффективную подготовку практически к любой профессии. Это значит, что вся

система Минобра — она вся мимо жизни! Сегодня двадцать процентов московских детей учатся в экстернате, это — лучшие двадцать процентов, и они идут мимо громадной государственной системы. Вопрос: а не надо тогда с этой системой что-то радикальное сделать?

— Например?

— Дети сегодня должны обучаться социальным компетентностям: умению отстаивать свои позиции, работе в группе, видению. У нас школа социальным навыкам не учит, это типа на переменах. Кроме того, нужно расстаться с мифом, что обучение — это конкретный период с семи до двадцати трех — двадцати пяти лет, и что в это время ты типа готовишься к жизни. В социологии детства это называется «феномен отложенной жизни». Большинство российских родителей до сих пор уверено, что их ребенок не живет, а только готовится. Это — прикладное отношение к детству: реально обществу важен взрослый, полноценный человек, а ребенок — лишь материал, полуфабрикат. В то время как фундаментальное отношение к детству гласит: детство — это жизнь здесь и сейчас. И какая жизнь! Между прочим, наша жизнь до пяти лет содержит больше интеллектуального и эмоционального материала, чем вся оставшаяся! Прикладное отношение к детству пора менять на фундаментальное. Иначе в ближайшем будущем у нас возникнут большие проблемы. Об этом подробно сказано в форсайт-проекте Общественной палаты «Детство-2030».

Форсайт-проект «Детство-2030», в котором Прохоров участвует в качестве эксперта, инициирован Общественной палатой РФ в 2008-м и является своеобразной попыткой определить возможные сценарии развития детства в России. Негативные смахивают на отрывки из футуристических антиутопий. Но куда больше удручают пассажи, посвященные настоящему: «Отношение к детству в России устарело. В России распространен дискурс “оградительное детство”, в развитых странах основные дискурсы: “компетентное детство”, “прикольное детство”, “охраняемое детство”... Сегодня Россия находится в “зависшем” состоянии. С одной стороны, дискурс, существовавший в СССР, в значительной степени разрушен: дети больше не нужны государству, сеть детских воспитательных учреждений (пионерия, комсомол, кружки) практически исчезла. С другой стороны, невозможно полное возвращение к “традиционалистскому” дискурсу: то есть к тому, где дети должны воспроизводить своих родителей. Большинство современных родителей сами являются в той или иной степени продуктами советского воспитания... Латентное знание о том, как воспитывать детей, культивируемое в традиционных семьях, было утеряно».

— Последние лет тридцать на Западе все вертелось вокруг стариков: на нуждах пенсионеров выстраивалась индустрия туризма, развлечений и даже моды и образования, потому что европейский пенсионер — это богатый человек, которому нечего делать и хочется хорошо жить. Но теперь акцент в «золотом миллиарде» смещается со стариков на детей. Развитые общества уже делают следующий шаг, а мы опять отстаем приблизительно на полвека. Теперь дети становятся предметом инвестиций для взрослых. Кроме того, на Западе прекрасно понимают, что дети должны быть сегодня полностью включены в инновационное будущее. То есть все самое передовое и технологичное, что есть в мире, должно быть предоставлено прежде всего детям. У нас же многие до сих пор считают, что детям нельзя подходить к компьютеру до «старшеклассного» возраста.

— А что, можно с двух лет?

— Да, нужно с двух-трех лет! Только компьютер должен быть не офисным, а специальным детским, с соответствующим экраном, с детским интерфейсом, с анимацией, с хорошими играми, с находящимся рядом компетентным родителем. Если ребенка этого лишить, он потом бубухнется в эти игры с головой. А если это виртуальное пространство для него с младенчества привычно, тогда он будет относиться к нему совершенно спокойно. Дети себя сегодня хотят чувствовать равными взрослым, западные дети начинают работать в интернете с девяти лет — зарабатывать легальные, нехакерские деньги. Соответственно, у них сразу появляются взрослые потребности и права. У нас ребенок начинает чувствовать свою независимость только в раннеподростковом возрасте, причем сразу в виде протеста. Естественно, ведь его воспитывали с позиций: «Ты есть рядовой роты, а я есть твой ротный командир». Ребенок подрастает и говорит: «Что-то мне в твоей роте не нравится». В то время как в западной семье ребенок получает частичную независимость с трех-четырех лет.

— Ну и как на практике должна выражаться четырехлетний малыш?

— Например, мир вещей ребенка должен повзрослеть. То есть практически все взрослые вещи должны иметь детские аналоги. Это как «революция инвалидов» в США, когда все стали делать и для инвалидов тоже. Так вот теперь нужно все делать и для детей тоже. И компьютер для детей, и телефон для детей, а не просто стульчак для детей, чтобы им удобнее было какать.

Объективно Анатолий Прохоров прав. Это я понимаю рассудком. Но субъективно от его слов мне становится как-то не по себе. Дивный новый мир — без сюсюканья, без свалывшихся плюшевых мишек, повзрослевший, высокотехнологичный, яркий, функциональный, но простой и круглый, как шар, — этот мир вызывает уважение и легкую панику.

Анатолий Прохоров, несомненно, делает большое дело. Но после разговора с ним я наконец понимаю, что смущает меня в «Смешариках». Лучшее, что в них есть, — эффективность и функциональность. Простые меседжи («Душевное тепло важнее хорошей погоды», «Друг дороже фантика») — безусловно справедливые, но безнадежно однозначные — формируют здоровое отношение ребенка к жизни. Простые беспозвоночные — нарисует любой младенец, важно только замкнуть линию — удобны для восприятия, но кажутся полыми изнутри. Как мне их полюбить, когда под ярко-лиловой кожей угадывается схематичный, расчисленный при помощи CGI-технологий каркас, «ежик-боди»?

В проект «Смешарики» заложены правильная жизненная схема и позитивная программа развития. Но в него не заложено искусство как микрокосм, со своими законами, вторыми смыслами, парадоксами, неразрешимыми противоречиями и недосказанностями. В него не заложена червоточинка и сумасшедшинка — та самая, за которую Крупская ругала Чуковского. Наверное, это не минус, а плюс. Наверное, я просто спасаю «муравьиные яйца». Наверное, я и есть тот родитель, про которого в форсайт-проекте сказано: «Продукт советского воспитания». И латентное знание о том, как воспитывать детей, мной утрачено...

Саша требует мультик, и я предлагаю ей выбор: «Смешарики», «Простоквашино» или «Ежик в тумане». Я включу ей то, что она предпочтет, я уважаю ее компетентное детство. Саша думает, по-взрослому хмурясь. А я болею за папку «Советское». Мое детство прошло там, в тумане, в бескрайнем лесу — где-то между метро «Университет» и селом Простоквашино.... Моему ребенку, наверное, будет там скучно.

Анна Старобинец

Автор: Артур Скальский © Русский репортер ОБРАЗОВАНИЕ, РОССИЯ 👁 6084 18.04.2010, 18:18

URL: <https://babr24.com/?ADE=85255> Bytes: 23007 / 22961 Версия для печати Скачать PDF

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)